

Kunst des dichterischen Verkleidens: Festschrift für Martin Stern / Hrsg. W. M. Fues und W. Mauser – Würzburg: Königshausen und Neumann, 1995. – S. 391–399.

Puig T.V. „[...]atmete pausenlos“. Zur Literarisierung des Atmens bei Ernst Jandl // Die Grenze des Sichtbaren in der Literatur des 20. Jahrhunderts / Hrsg. S. Schneider. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2010. – S. 137–153.

Rilke R.M. Die Gedichte. – Wiesbaden: Insel, 1999. – S. 1136.

Uhrmacher A. Spielarten des Komischen: Ernst Jandl und die Sprache: Reihe germanistische Linguistik. – Tübingen: Niemeyer, 2007. Band 276. – 251S.

Zweig S. Die Welt von Gestern: Erinnerungen eines Europäers / <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-welt-von-gestern-6858/7> (дата обращения 07.2017).

УДК 321.112.2-2(091)
ББК Ш33(4Гем)5-45

Андреюшкина Т.Н.

Немецкие стихотворения-каталоги эпохи Просвещения как способ рационально-чувственного описания окружающего мира

Аннотация: В статье исследуются различные виды каталога в немецкой поэзии эпохи Просвещения, где каталог играл важную роль, служа способом рационально-чувственного описания окружающего мира. С XI века поэтические каталоги вошли в средневековую немецкую литературу. В эту и последующие эпохи развивается целый ряд списков, которые заложили основу религиозных и светских видов каталога, которые частично остаются и в просветительской поэзии: списки с именованиями бога и богородицы, знати, поэтов и правителей, списки человеческих грехов, списки растений и камней, времен года и суток, список средневековых наук, стихотворения-алфавиты, стихотворения-ряды о мире, «женские» списки, списки литературных, античных и библейских персонажей и другие. Появляются характерные именно для XVIII века каталоги, в которых акцентируются просветительские идеи: идеи пантеизма, склонность к афористическому и пародийному мышлению, к дескриптивности в пейзажной лирике. Изменяется подход к выбору жанров: на место шпруха и лейха, молитвы и псалма, танцевальной и богородичной песни, «дурацкой» истории и басни, видения и откровения приходят

оды и баллады, идиллии и элегии, культивируются утренняя и весенняя песни. Если в Средневековье и Барокко преобладали каталоги, регламентировавшие религиозную сторону жизни человека, списки богов, королей, монашеских орденов, а начиная с городской литературы эпохи Реформации поэты перешли к описанию жизни частного человека с его представлениями о любви, добродетели, грехе, семье, вере, профессии, темпераментах, работе, отдыхе, времяпровождении, то в эпоху Просвещения более важное место занимает разумный и чувствительный человек в его отношении к искусству, природе, часто деревенской, к своей семье и друзьям, разделяющим его мысли и чувства. В поэтологических стихотворениях поэты дают списки рифм, литературных героев, списки поэтов и теоретиков литературы, размышляют о соотношении природы и искусства, разных видов искусства между собой, о различиях барочного и просветительского мироощущения. Особое значение в XVIII в. приобретает социально-историческая и политико-патриотическая лирика как предвестие и отклик на Великую французскую революцию. Наиболее важную роль в развитии поэтических каталогов в немецкой литературе сыграли Лессинг, Клопшток, Гете, Глейм, Клаудиус и др.

Ключевые слова: стихотворение-каталог; алфавитный ряд; хронограмма; «женский» список; барочные аллюзии; сентименталистские идеи; поэтологическая поэзия.

Как в западном, так и в отечественном литературоведении изучение лирического жанра каталога находится в зачаточном состоянии [Shvabrin 2011; Жолковский 2014; Таньчук 2016]. Жанру каталога в поэзии будет посвящена монография «Жанр каталога в немецкоязычной поэзии», одним из параграфов которой станет эта статья. В ней мы обратимся к жанру каталога в немецкой поэзии XVIII в., где каталог играл важную роль, служа способом рационально-чувственного описания окружающего мира. Покажем, какие каталоги, зародившиеся в Средневековье и культивировавшиеся в последующие эпохи [Бахтин 1965; Batkin 1979; Гуревич 1981; Lyriktheorie 1990; Die deutsche Literatur in Text und Darstellung 1994; Kleine literarische Formen 2002; Rothmann 2009], оставались актуальными и в XVIII веке, а какие появились вновь или были переосмыслены. Покажем на примере отдельных стихотворений формальные признаки каталога и те лирические жанры, которые гармонично контаминировались с перечислительными рядами каталогов. Отметим также особенности поэтики разнообразных списков в поэзии эпохи Просвещения.

В эпоху Просвещения частично остаются распространенные еще в Средневековье стихотворения о боге, но его определения меняют свой характер: бог – «господин», «создатель», «мудрость и доброта», «порядок и твое спасение». Так проявляются идеи Просвещения о мудрости и доброте, порядке и спасении, но главное то, что бог воспринимается теперь через явления природы – его прославляют ветры и небеса, ураганы и моря, одушевленные и неодушевленные существа: «*Mich, ruft der Baum in seiner Pracht, / Mich, ruft die Saat, hat Gott gemacht;/ Bringt unserm Schöpfer Ehre!*» [Deutsche Lyrik 2001: V, 276] («*Меня, восклицает величавое дерево, / Меня, восклицает посев, взрастил бог;/ Воздайте нашему создателю честь!*») – здесь и далее перевод автора статьи – Т.А.), что выражено в названии цитируемого стихотворения К.Ф. Геллерта (1679-1715) – «*Чествование создателя*» («*Preis des Schöpfers*», 1757).

В оде «Мы в середине жизни» («*Mitten wir im Leben sind*», 1758 – так же называется один из псалмов Лютера, а «Половина жизни» Гельдерлина является аллюзией на оба текста) Ф.Г. Клопштока (1724-1803) рефреном проходит несколько именовании бога: «*Heiliger! Schöpfer, Mittler, barmherziger Tröster! Du ewiger Gott!*» [Deutsche Lyrik 2001: V, 291] («*Святой! Создатель! Посредник, милостивый утешитель! Ты, вечный бог!*»). Они напоминают нам о средневековых славословиях бога, но у поэта-сентименталиста мысли и чувства обращены больше к человеку, о чем свидетельствует и название оды, и строфы, где речь большей частью идет о человеке и его земных делах.

О традиции средневековых и барочных стихотворных алфавитов помнит и даже упоминает ее, но не использует в традиционном смысле Л. Хартман в утренней молитве бедного студента под названием «Сословные и трудовые песни по алфавиту студента, когда он утром начинает учиться» («*Standes- und Werck-Lieder nach dem A.B.C. eines Studiosi, wann er des Morgens anfänget zu studiren*», 1716), являющейся вольным пересказом молитвы «Отче наш»: 1. «*Gott/ alle gute gaben Muß jeder von dir haben/ Drum mir dein huld zu wende/ Und deinen Geist mir sende*» [Deutsche Lyrik 2001: V, 63] («*Боже, каждый должен получить от тебя добрые дары,/ Поэтому будь ко мне милостив,/ И пошли мне воодушевление*»). Нумерацией и двустопными стихотворение напоминает псалом-просьбу к богу. Парные рифмы и незатейливые формулировки выдают разговорную манеру неискушенного школяра.

М. Клаудиус (1740-1815) является автором «Универсальной истории 1773 года, или серебряного алфавита» (1774). Позднее, также в духе средневековых дидактических стихотворений, он создает

«Золотой алфавит» («Das gülden ABC», 1802), для каждой буквы сочиняя поучительное двустишие: «A: Armut des Geistes Gott erfreut; / Armut, und nicht Armseligkeit. // B: Besprich dich nicht mit Fleisch und Blut, / Fahr zu, gleich zu, wie Paulus tut. (...)» [Poetische Sprachspiele 2002: 93]. В этой поэме нельзя не заметить традицию изречений и афоризмов эпохи Барокко, тем более что они носят религиозный характер, а также традицию Лютера, назвавшего «Золотым алфавитом» 119 псалом, каждые восемь стихов которого начинались со следующей по порядку буквы древнееврейского алфавита.

Й. Гроб (1643-1697), как переходная фигура между Барокко и Просвещением, в традиции «стихотворений о мире» пишет свои «Ряды о мире» («Der Weltreihen», 1700 – впервые здесь появляется определение «ряды»). В них нет барочного трагизма и изысканности формы, книттельферс придает им тон разговора за столом (здесь очевидна традиция застольных песен), на что указывает вопрос-зачин: «Was ist unser thun auff Erden?» [Deutsche Lyrik 2001: V, 18] («Каковы наши деяния на земле?»). Ответом является ряд глаголов («Kriechen/ lauffen/ stehen/ sitzen// Hungern/ dürsten/ frieren/ schwitzen» – «Ползать, бегать, стоять, сидеть, / Голодать, испытывать жажду, мерзнуть, потеть»), развернутых далее в предложениях, которые передают барочное представление о ничтожности человеческих усилий и которые заканчиваются итогом, повторяющим вопрос в утвердительной форме: «Das ist unser thun auff Erden» [Deutsche Lyrik 2001: V, 18] («Таковы наши деяния на земле»).

Форма стихотворения используется для выражения его смысла, например, в «Незаконченной оде о вечности» («Unvollkommne Ode über die Ewigkeit», 1743) А. фон Халлера (1708-1777), где незаконченность выступает как символ вечности. Для ее выражения используется известный перечень явлений, которым приписываются новые качества: «леса, где сквозь мрачные ели не пробивается свет и каждый куст рисует ночь могилы», «затерявшаяся река течет в одинокое болото»; «жуткое море вечности», «древний источник миров и времен», «бесконечная могила миров и времен» и т.д. [Deutsche Lyrik 2001: V, 173]. Бог наделяется перечнем известных определений («основание всего», «солнце», «мера неизмеримого времени»). Далее дается перечень вещей, через знакомство с которыми растение, а потом животное, кем был человек изначально, благодаря органам чувств, становится человеком. Заканчивается ода перечислением глаголов-операций, которые привели к рождению человека: «Ich startte jedes Ding als fremde Wunder an/ Ward reicher jeden Tag/ sah vor und hinder heute/ Maaß/ rechnete/ verglich/ erwählte/ liebte/ scheute/ Ich irrte/

fehlte/ schlief?/ und ward ein Mann» [Deutsche Lyrik 2001: V, 176] («Смотрел на вещи как на чудо,/ Богаче становился с каждым днем,/ глядел вперед и иногда назад,/ Мерил,/ рассчитывал,/ сравнивал,/ выбирал,/ любил,/ боялся,/ Я заблуждался,/ исчезал,/ спал/ и становился человеком»). Но рассудок поэта-просветителя заставляет завершить круг человеческой жизни лирического героя, упомянув о том, что он чувствует конец «беззаботной юности», «приближение небытия», «усталость духа» и желание покоя. Это стихотворение, написанное в середине XVIII в., демонстрирует отличную от предыдущей (напр. У Й. Гроба) характеристику человека и смысла его жизни. По Халлеру, человек – существо гораздо более сложное и разностороннее, чем его пытались изображать предшественники поэта.

Гораздо большее место в поэзии Просвещения, чем религиозна, занимает пейзажная лирика, полная разнообразных описаний природы. О «трех богатствах природы» («Die drei Reiche der Natur», 1747) размышляет Г.Э. Лессинг (1729-1781): первое – это животные и люди, второе – растения, третье – мир камней [Deutsche Lyrik 2001: V, 217]. В «Споре природы и метафизики» («Streit der Natur und Metaphysik», 1748) И.А. Шлегель (1718-1749) дает список наук (философия, онтология, космология, психология), но «природа разумнее, чем философия» [Deutsche Lyrik 2001: V, 226], считает поэт.

В утренних песнях – одах красоте природы – появляется новая перспектива – перспектива маленького человека. В «Утренних мыслях» («Morgen-Gedanken», 1731) просветителя А. фон Халлера привычный каталог явлений просыпающейся к жизни природы через библейский перечень творений божьих (солнце, облака, поле, розы, роса, птицы, горы, рыбы, животные, крестьянин с плугом), украшенных метафорами из перечня драгоценных камней (жемчуг, сапфир, рубин), противостоит образу поэта-червя, хвалебная песнь которого вряд ли нужна небесам [Deutsche Lyrik 2001: V, 122]. Такая концовка стихотворения выявляет сентименталистские воззрения автора.

Следующий ряд каталогов продолжает перечень идиллических сцен жизни в деревне, восходящих к античным буколкам, и связан с жанром элегии, заимствованным немецкими поэтами из английской кладбищенской поэзии. Поэтому эпитафия наряду с идиллией – еще одна излюбленная форма стихотворений-каталогов. «Письмо-приглашение другу о благородной жизни в деревне» («Einladung-Schreiben an einen guten Freund vom edlen Land-Leben», 1700) Ф.Р. Канитца (1654-1699) – пример руссоистской идеи задолго до Руссо, а также жанра элегии, перенесенного из английской поэзии в немецкую.

Появляется образ газеты, как метонимический прием для обозначения внешней жизни часто повторяемый в немецкой поэзии; сообщения о войне не могут помешать спокойному течению деревенской жизни. [Deutsche Lyrik 2001: V, 15]. Через вереницу отрицаний и вариаций формулы, характерной для инвентаризации, описываются преимущества жизни в деревне: «Hier ist mein eigener Grund» [...] / Hier ist kein Fuß ... / Kein Stein ... / Kein Ort ... [Deutsche Lyrik 2001: V, 16]. И в конце стихотворения возникает третья вариация этой формулы: «Das nicht mein Feld/ mein Stall/ mein Teich und Garten ...» [Deutsche Lyrik 2001: V, 17].

В эпитафии появляется сомнение в слове, которое адекватно смогло бы выразить ощущение потери выдающегося человека. Но, может быть, потому, что это бургомистр и его заслуги перед Гамбургом отразились в его делах, М. Рихей (1678-1761) ставит слово на второе место после дел. Но и сама эпитафия имеет программное название «Скорбное и почтенное молчание у тела ...» («Wehmütiges und ehrerbietiges Stillschweigen bey der hohen Leiche ...», 1721) [Deutsche Lyrik 2001: V, 92].

Г.Ф. Телеман (1681-1767), композитор и поэт, прославляет Б.Г. Брокеса, стихи которого он положил на музыку, добившись слияния «искусств-сестер». Телеман не отрицает славы Лоэнштайна и Гофмансвальдау, но предпочитает Брокеса, который «живописует природу как мастер, который придерживается оригинала» [Deutsche Lyrik 2001: V, 96]. Сам Брокес в обращении к богу подчеркивает, что в каталоге вещей («пространство неба», «сияние солнца») не только величина планет заслуживает внимания, но и каждая пылинка [Deutsche Lyrik 2001: V, 97]. Отсюда понятно внимание просветителей к любой частице природы, которая тоже является творением божьим.

Поэтологическая поэзия эпохи Просвещения поражает разнообразием. Появляются стихотворения и эпиграммы, в которых с высоты разума осуждаются маньеристские образы, излишняя орнаментальность речи поздних поэтов барокко, как в текстах К. Вернике. В стихотворениях просветителей ведутся споры о поэтических принципах, например, что важнее: следование природе или мастерство. Этому посвящено стихотворение приверженца галантной поэзии С. Франка «Пояснение к гравюру по меди» («Erleuterung des Kupffer-Blats», 1711), который видит решение проблемы в союзе искусства и природы («Natur und Kunst macht ein allant Gedichte!») [Deutsche Lyrik 2001: V, 49].

В сатире «Прощальное желание» («Abschieds-Wunsch», 1715) на поэзию «ученого поэта» Винклера И.К. Гюнтер, представитель

позднего барокко, размышляет об искусстве с позиций разума: «mehr Weisheit, mehr Verstand, mehr Klugheit und Vernunft» [Deutsche Lyrik 2001: V, 61] («больше мудрости, больше разума, больше ума и трезвости»). С иронией он вспоминает и о традиции «алфавитных книг», содержащих наставления для поэтов: «das Alphabet klingt ihm als ein Beschwörungsthon/ (...) / Und Bacchus selber kommt durch ihn in Märtrerorden, / Weil ihm, o Grausamkeit, ein C. Gestohlen worden» [Deutsche Lyrik 2001: V, 61] («Алфавит завораживает его, как магия./ И Вакха он отправляет в орден мучеников, / Потому что у него, о, ужас, украли букву В»).

И.Г. Грессель продолжает ряд поэтологических стихотворений: в стихотворении без названия, начинающемся с обращения к читателю («Mein Leser...», 1716), он называет важные составные поэтического текста: рифма без использования диалекта; целостность конструкции; слоги, подчиняющиеся скандированию; уместность использования вспомогательных слов, хиатуса. Читателю Грессель доверяет исправить недочеты поэта [Deutsche Lyrik 2001: V, 67].

К.Ф. Ведекинд, величая Хагедорна и Геллерта («Die zwey grossen Dichter in Teutschland die Herrn v. Hagedorn und Gellert», 1747), составляет список качеств немецкой поэзии, напоминающий список свойств женского нрава: «witzig, fliesend rein, durchdringend und beweglich/ anmuthig, reizend, mild, einnehmend und behäglich» [Deutsche Lyrik 2001: V, 207] («веселая, чистая, пронзительная и подвижная, / прелестная, пленительная, мягкая, увлекательная и приятная»). А мадам Готшед («Über die Madame Gottsched», 1747) он ставит в ряд с Сапфо, Гомес, Шурман [Deutsche Lyrik 2001: V, 208], составляя свой список литераторов.

Возникает целый ряд литературных иерархических списков. В «Оде к Э.» («Ode an den Herrn E...», 1749) Ф.Г. Клопшток помещает аббревиатуры фамилий многих известных людей своего времени, составив их каталог: Крамер, Геллерт, Роте, Шлегель, Шмидт и др. [Deutsche Lyrik 2001: V, 234]. А.Г. Кестнер в «Анакреонтической оде» («Anakreontische Ode», 1751), кроме имен поэтов (Халлер, Хагедорн, Шлегель, Геллерт, Клопшток, Лессинг) и предметов их поэзии, приводит список из 11 занятий, которые он называет «анакреонтическим поэтизированием» [Deutsche Lyrik 2001: V, 249]. Ф. Хагедорн (1708-1754) в октаве, посвященной Гофманвальдау, ставит его в ряд с Опицем и Вернике, Лоэнштайном и Томазиусом, Овидием и Вергилием, сопровождая октаву обширным комментарием [Deutsche Lyrik 2001: V, 260]. Г.Ф. Штойдлин (1758-1796) «Гений» («Das Kraftgenie», 1782) дает список поэтов: Лоэнштайн, Ариост,

Шекспир. Он высмеивает образ гения, который подчиняется своей «дикой фантазии», а простоту и чувствительность оставляет народным песням [Deutsche Lyrik 2001: VI, 166]. А.Г. Кестнер (1719-1800) высмеивает приверженность современников к песням бардов, любовным песням, криминальным и волшебным историям в своей эпиграмме «Старое и новое» («Alt und neu», 1779) [Deutsche Lyrik 2001: VI, 119]. Примерами такой приверженности может служить поэзия его современников Рамлера и Дениса. «Ода к Венере Урании» («Ode an die Venus Urania», 1771) К.В. Рамлера (1725-1798) полна античных образов (царь Пирр, его сын Циней, грации и др.) [Deutsche Lyrik 2001: VI, 23]. И.Н.К.М. Денис (1729-1800), обращаясь «К духу Оссиана» («An Ossians Geist», 1772), представляет список героев песен Оссиана (Фингал, Сельма, Оскар и др.) [Deutsche Lyrik 2001: VI, 31].

Студенческие и любовные песни – особый раздел лирического каталогизирования. И.С. Шольце (1705-1750) пишет песню-шутку («Edle Freyheit», 1736), обращенную к ученым девам. Это инструкция по поступлению в университет и ежедневным занятиям с распписанием: в 9 – побудка, в 10 – учеба стрелять глазками, в час дня – музицирование, в 2 часа – поэтизирование, в 3 – составление писем и ежедневный кофе. После трех лет учебы можно занять кафедру и вместо детей пересчитывать книги, – подводит иронический итог своим советам Шольце [Deutsche Lyrik 2001: V, 142].

И.В.Л. Глейм (1719-1803) называет свой ряд глаголов в стихотворении «Мысли о смерти» («Todesgedanken», 1744). Смерть связывается им с одним глаголом – «гнить», а жизнь с ее рядом – «танцевать, рвать розы, вдыхать ароматы, целовать девушек, чувствовать поцелуй, пить вино» [Deutsche Lyrik 2001: V, 186]. Глейм приводит и «женский» список: он называет сначала имена, затем разные черты внешности и характера женщин: «Ich liebe die Helenen,/ Die Nanchen und die Fiekchen,/ Die Lieschen und die Miekchen,/ Die Willigen, die Spröden,/ Die Freundlichen, die Blöden,/ Die Zärtlichen, die Netten,/ Die Schlanken, die Brunetten,/ Ich liebe die Blondinen,/ Mit zarten Venusminen» [Deutsche Lyrik 2001: V, 188] («Я люблю Елен./ Ханночек и Фанночек./ Лизочек и кисочек./ Послушных и строптивых, / Приветливых и милых./ Очаровательных и глупых./ Стройных и брюнеток./ Люблю я и блондинок/ С мордашками Венеры»), а в конце признается, что любит всех, кроме тех, кто высмеивает любовь и чьи порывы неблагородны, а также тех, кто его не любит [Deutsche Lyrik 2001: V, 188].

И.Б. Эдлер фон Альксингер (1755-1797) «Ненужность украшения» («Entbehrllichkeit des Putzes», 1789) составляет список

ненужных ухищрений, которыми женщины пытаются украсить себя: чепчиками, шальями, цветами. Автор объясняет излишества украшательства тем, что в природе все естественно, она не любит лишних красок, а Купидон просто наг. И библейские красавицы (Сара, Рахель) привлекали внимание к себе не украшениями: «Природа – их кузнец, воспитание – их привлекательность» [Deutsche Lyrik 2001: VI, 217].

Списки античных богов типичны для поэзии классицизма, ориентировавшейся на простоту и величие античного искусства. Ф. Шиллер в оде «Боги Греции» («Die Götter Griechenlandes», 1788) апеллирует к Венере, Гелиосу, Девкалиону, Афродите, Адонису, Титану и др. [Deutsche Lyrik 2001: VI, 218].

Социально-историческая и политическая лирика как предвестие, а затем как отклик на Великую французскую революцию приобретает значительный вес в просветительской поэзии. Й.Я. Бодмер (1698-1783) берет исторический сюжет – о Геце фон Берлихингене, поэтому в нем много исторических персонажей: Генрих IV, Генрих V, Фридрих I, Фридрих II, а также античных полководцев, поэтов и политиков [Deutsche Lyrik 2001: VI, 156].

В посвященных французским событиям стихотворениях Клопштока («Les Etats generaux»), Глейма («Демократам Франции» – «Auch Les Etats generaux. An Frankreichs Demokraten», 1790) и К.Г. фон Раумера (1753-1833) («Г-ну канонику Глейму» – «Auch Les Etats generaux. An Hrn. Kanonikus Gleim», 1790) приводятся списки исторических событий и имен [Deutsche Lyrik 2001: VI, 234-5].

Хронограммы используются поэтами Просвещения, например, Даниэлем Шёнеманом (1695-1737), который в поэме «Особый месяц август» («Der sonderliche Monat AUGUST», 1718) рассказывает о победе над турками 16 августа 1718 г., трижды обозначая буквами дату победы [Deutsche Lyrik 2001: VI, 75].

В поэзии рассматриваемого периода есть ряд патриотических песен, в которых дается перечень черт внешности и характера немецких юношей (М. Клаудиус описывает волнистые волосы, широкую грудь; благородный, с холодным и смелым взглядом, вид у юношей и голубые глаза, кроткий взгляд, доброе сердце у девушек [Deutsche Lyrik 2001: VI, 21]). Ему вторят К.Ф.Д. Шубарт («Знатная девушка», 1776), Г. фон Леон («Песня о родине», 1779) и др.

В творчестве Гете ярко и многогранно отражается все разнообразие поэзии эпохи Просвещения, в нем можно найти все жанры, мотивы и образы, которые волновали его современников, и в частности разнообразные каталоги, включенные в оды и идиллии, «пляски

смерти» и баллады, сонеты и эпиграммы, «стихотворения на случай» и философские поэмы: перечисление грехов мира («Три оды к моему другу Беришу»), именованья бога и перенос этих свойств на возлюбленную («Западно-восточный диван»), ряды топосов в весенних и вечерних песнях («Майская песня», «Свидание и разлука»), «женский» список («Цыганская песнь»), список дураков в традиции «литературы о дураках» («Истолкование старинной гравюры на деревне, изображающей поэтическое призвание Ганса Сакса»), списки богов и достопримечательностей Рима («Римские элегии»), каталог дней недели («Веймарские проказницы»), список глаголов («Vanitas»), ряд цифр («Ведьмовской таблице умножения»), биполярные ряды, лежащие в основе жизни («Метаморфозы растений», «Метаморфозы животных», «Первоглаголы. Учение орфиков»)⁶.

Литература XVIII в. развивает предыдущие песни-каталоги (алфавит, хронограммы, утренняя и вечерняя песни, элегии, эпитафии, любовные песни), но вносит в них новое содержание, наполняет их дыханием природы, пением птиц, ароматами цветов, вниманием к незначительным созданиям божьим (жаворонку, соловью, букашкам, мухам). В поэзии представлен целый спектр разнообразных жанров: оды, элегии, патриотические и студенческие песни, баллады, исторические песни, куплеты, логогрифы, загадки, ряды, сонеты, октавы, александрийский стих, гекзаметр, восточные и религиозные песни, утренние и весенние (майские как их разновидность) песни, стихотворения «на случай» и в альбом, поэтологические стихотворения и шутки, анакреонтические оды и галантные стихотворения, пародии [19-21]. Выдающимися каталогизаторами в поэзии XVIII в. выступили поэты Клопшток, Лессинг, Гете, Клаудиус, Хельти, Глейм и др.

Представленное исследование жанра каталога в немецкой поэзии эпохи Просвещения предполагает продолжение изучения данного жанра в литературе романтизма и постромантизма, в модернистской и постмодернистской литературе, а также далее, вплоть до наших дней, что даст возможность проследить закономерности в развитии жанра и особенности его бытования в каждую из эпох, чтобы понять, почему этот жанр не утрачивает своего значения в современной поэзии.

Литература

⁶ Гете посвящена отдельная статья под названием «Стихотворение-каталог в поэзии И.В. Гете», которая в настоящий момент находится в печати.

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1965. – 752 с.

Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 358 с.

Жолковский А.К. Каталоги // Zvezda/2014/6/zh011-pr.html

Таньчук, Р. Искусство коллекционирования. Коллекционирование как форма культуральной активности/ пер. с польск. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2016. – 370 с.

Batkin L.M. Die historische Gesamtheit der italienischen Renaissance: Versuch einer Charakterisierung eines Kulturtyps/ Aus dem Russ. Von I. Faix. – Dresden: Verlag der Kunst, 1979. – 503 S.

Deutsche Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart. In 10 Bd./ Hg. V. W. Killy. – München: DTV, 2001. – Bd. 5. – 368 S.

Deutsche Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart. In 10 Bd. /Hg. V. W. Killy. – München: DTV, 2001. – Bd. 6. – 365 S.

Die deutsche Literatur in Text und Darstellung. Aufklärung und Rokoko/ Hg. Von O.F. Best und H.-J. Schmitt. In 16 Bd. – Stuttgart: Philipp Reclam jun.; 1994. – Bd. 5. – 336 S.

Kleine literarische Formen in Einzeldarstellungen. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2002. – 278 S.

Lyriktheorie: Texte von Barock bis zur Gegenwart /Hg. Von L. Völker. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1990. – 468 S.

Poetische Sprachspiele. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart /Hg. Von K.P. Dencker. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2002. – 428 S.

Rothmann K. Kleine Geschichte der deutschen Literatur. 19., erweiterte Auflage. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2009. – 542 S.

Shvabrin, Stanislav. The Burden of Memory: Mikhail Kusmin as Catalog Poet // The many Facets of Mikhail Kusmin: A Miscellany/ Ed. Lada Panova. – Bloomington, 2011. – P. 3-25.

УДК 821.112.2(436)-32(Мюллер Р.)

ББК Ш33(4Авс)6-8, 444

И. Г. Мальцева

Деромантизация тропического рая в новелле Р. Мюллера «Das Inselmädchen» («Островитянка»)

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению экзотических мотивов, мифологем и образов и их разрушению и деромантизации в